

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БАХМАНН-МЕДИК Д.
КУЛЬТУРНЫЕ ПОВОРОТЫ. НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ
В НАУКАХ О КУЛЬТУРЕ. М.: НЛО, 2017. — 504 с.
ISBN 978-5-4448-0683-8

*Ирина Владимировна Ивлева**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ивлева И.В. (2018) Рецензия на книгу: Бахманн-Медик Д. (2017) Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: НЛО, 2017. — 504 с. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(2): 238–245. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.10>

Недавно вышел в свет перевод книги немецкого литературоведа и культуролога Дорис Бахманн-Медик, посвященной культурным поворотам в науках о культуре. На значимость культурного поворота в свое время указывали Дж. Александер и Ф. Смит, занимающиеся развитием культурсоциологии (Александер, Смит 2010). Однако в предлагаемой работе речь идет о культурных поворотах во множественном числе. В частности, детально описываются семь поворотов — интерпретативный, рефлексивный, перформативный, постколониальный, переводческий, пространственный и иконический. Эта цепочка поворотов, как пишет Д. Бахманн-Медик (с. 31), была спровоцирована культурной антропологией, особенно американской, исследовательский интерес которой питает дискуссия о культурных различиях. Более того, культурная антропология привела к глобальному культурному повороту в гуманитарных науках в качестве антропологического поворота. Это говорит о том, что сегодня изыскания культурной антропологии не ограничиваются чужими племенными культурами, а приобретают статус систематической дисциплины, формирующей общедисциплинарные категории анализа и стимулирующей концептуализацию путем культурной критики. Но на этом описание роли антропологии и антропологического поворота заканчивается.

Книга просто и ясно структурирована. Она включает введение, семь глав, последовательно представляющих каждый из указанных выше культурных поворотов, а также заключение в виде прогнозов. Также есть

* E-mail: irina_ivleva07@mail.ru

общая схема глав, включающая описание контекста и становления каждого поворота, характерные понятия, их влияние на отдельные дисциплины и критику. Следование различным поворотам, по словам Д. Бахманн-Медик, поощряет методологическое сознание и формирование теорий, с помощью которых могут быть переформулированы сами культурологические категории.

Автор также ставит в своей книге вопросы о том, каких еще поворотов можно ждать в науках о культуре. Фиксируют ли культурные повороты поверхностные явления научной моды или они воплощают более стабильные исследовательские направления? Где их можно разместить в международном ландшафте наук? (с. 32).

Помимо антропологического поворота, Д. Бахманн-Медик особо выделяет лингвистический поворот, пронизывающий все остальные. Но она подчеркивает также, что именно культурная антропология стала во многом ключевой дисциплиной в науках о культуре (с. 44).

Интерпретативный поворот сложился в 1970-е гг., но его влияние ощутимо до сих пор благодаря введению понятия текста. Для этого поворота характерно использование метафоры культуры как текста, а также ключевую роль сыграла новаторская категория чужого (с. 68). Интерпретативная антропология делает акцент на культурных смыслах и смыслах вообще. Культурное измерение возвращается на место доминировавшей фиксированности на структурах. При этом общество и культура воспринимаются как серьезная игра, драма или поведенческий текст. Важную роль играет ориентированное на смысл понятие культуры К. Гирца, которая понимается больше семиотически и рассматривается как взаимосвязь смыслов и значений (с. 76). В рамках интерпретативного поворота также уделяется внимание методам контекстуализации. Контекстуализация представляет собой существенную составляющую центрального метода этого поворота — насыщенного описания. Насыщенность описания подразумевает семантическую плотность материала, многослойность и сложность культурных высказываний (с. 79).

К толкованию письменных текстов приравнивается прочитывание ситуаций, в которых совершаются действия. Метафора текста побуждает рассматривать культуру в ее многослойной читаемости (с. 83). Преимуществом того, что культура понимается как система значений, является то, что в таком случае возможно понимание культуры без вчувствования. Чужое сохраняется потому, что нет необходимости внедряться в чужую культуру. Однако критику в адрес Гирца вызывает то, что, например, в петушиных боях не говорят реальные люди и почти не появляются специфические персонажи, возможно лишь распознать в качестве типа

балийцев (с. 88). Другое критическое замечание касается утрирования культурного анализа как простого чтения текстов (с. 89). Интерпретативный поворот получил признание, когда он затронул естественные науки, также он повлиял на литературоведение, политологию, социологию и теологию.

С 1970-х гг. в социальных науках все чаще используется словарь культурного перформанса. Он имеет разные источники — модели театральных постановок, культуру инсценировки в искусстве и политике, этнологические подходы к анализу ритуалов и др. **Перформативный поворот** символической этнологии отказывается от холистического понимания культуры как закрытой системы смыслов. Культура понимается как открытый, перформативный и ориентированный на изменения процесс, который может быть раскрыт при помощи словаря действий и инсценировок (с. 125). Автор считает важным предшественником перформативного поворота актуальную театрализацию жизни посредством медиальных инсценировок и визуализаций. К зачинателям этого поворота она относит Михаила Бахтина, но углубил методологию перформативного поворота Виктор Тернер, занимавшийся этнологическим анализом ритуалов. Этот поворот фиксирует прагматический процесс самой символизации. При этом стимулируется анализ символов (с. 132). Перформативный поворот модифицирует понимание культуры, она рассматривается как представление (с. 138). Господству текстологических терминов противопоставляются понятия, связанные с инсценировочностью (перформанс, постановка, представление, инсценировка и др.). Перформативный поворот оказал влияние на гендерные исследования, литературоведение, театроведение, историю.

Рефлексивный поворот начинается в конце 1980-х гг., когда возникает спор о том, как пишется культура. Ведущей фигурой этого поворота является Джеймс Клиффорд. В данном случае речь идет об этнологической критике репрезентаций, связанной с крушением и перераспределением колониальной власти. В ходе этого поворота была сильно подорвана вера в объективную репрезентируемость чужих культур и других людей (с. 172, 173). Предметом анализа при этом становятся этнографические приемы исследования, способы письма и тексты. Осуществляется критическая рефлексия научной деятельности. В рамках рефлексивного поворота кризис репрезентации трактуется как проблема зависимости культурных описаний от власти. При описании чужих культур с позиций западной науки проявляются колониальные и постколониальные неравенства в распределении власти. Дж. Клиффорд соглашается с К. Гирцем в том, что этнографические описания являются фикцией или частичными правдами.

Но на ключевой вопрос Гирца «чем занимается этнограф?» уже недостаточно ответа «он пишет». Клиффорд дополняет его другими вопросами: Кто говорит? Кто пишет? Когда и где? С кем и кому? (с. 180). Он также предлагает проверить не только этнографические тексты, но и тексты других дисциплин на их авторитетность. Наиболее провокационным и радикальным представителем рефлексивного (или литературного) поворота является американский антрополог Стивен Тайлер, поборник постмодернистской этнографии. В рамках этого поворота в методологическом плане была запущена плюрализация исследовательских оптик и голосов в тексте, был открыт взгляд на многоголосье культур и дискурсов (с. 185). Этот поворот оказал влияние на историю и литературоведение. Рефлексивный поворот, по словам автора, продуктивен тем, что способен поставить под вопрос другие повороты и саму возможность поворачивать (с. 198–199). Однако выдвигается критическое замечание о гендерной слепоте рефлексивного поворота. В книге «Женщины пишут культуру» Рут Бехар и Дебора Гордон подчеркивают, что в будущем будет невозможно дискутировать о культурной репрезентации без учета роли женщин.

В 1980-е гг. возникают постколониальные исследования. Приставка «пост» обозначает влияние колониалистских структур, продолжающееся в иных формах. В рамках **постколониального поворота** важно не столько исследовать воздействие колониализма на неевропейские страны, сколько разработать критические категории анализа, позволяющие раскрыть механизмы и практики другоизации (*othering*) (с. 218, 219). Систематичное и политически окрашенное понятие постколониальности употребляется в тесной связи с этничностью, классом и гендером. Не все представители этого поворота получили большую известность. Здесь автор отмечает следующие имена: Эме Сезер, Леопольд Седар Сенгор, Альбер Мемми, С.Л.Р. Джеймс, Франц Фанон. В то же время важнейшим текстом для становления постколониального поворота стала книга Э. Саида «Ориентализм». Здесь выносятся на обсуждение комплексные признаки всяческого производства знания о Других, вопросы колониальной и постколониальной репрезентации. Ключевые фигуры этого поворота — Гаятри Чакраворти Спивак и Хоми К. Баба. В рамках этого направления ставится провокационный вопрос о том, какие дискурсы способны репрезентировать опыт угнетенных так, чтобы их слушали и чтобы их услышали? Постколониальный поворот способствует развитию новых аналитических понятий (переписывание, гибридность, различие, третье пространство, идентичность). Становлению постколониального поворота способствовало литературоведение. Литература из различных регионов

мира объединяется в группу постколониальных литератур. Создается канон постколониальных авторов. Европейская монополия на определение мировой литературы смещается нарративными стратегиями переписывания европейских классиков новейшими литературами других регионов. Западный канон литературы и знания с его претензией на универсальность ставится под сомнение. Ведущим постколониальным понятием является гибридность. В постколониальной теории оно приобретает большую значимость и положительный смысл, означая плодотворность культурных смешений. Постколониальный поворот оказал влияние на географию, историю, литературоведение, театроведение, философию и этнологию.

В русле постколониального поворота начинается **переводческий поворот**, который находится еще на начальной стадии. Перевод становится новым основополагающим понятием наук о культуре и обществе. С 1980-х гг. переводоведение превращается в культурологическое исследование перевода (с. 283–284). Классические понятия литературного перевода, ориентированные на текст, стали дополняться такими новыми ведущими категориями, как культурная репрезентация и трансформация, чуждость и несхожесть, перемещение, культурные различия и власть. Тем самым переводческие исследования приобретают культурологическое расширение. Хотя процессы перевода в современных условиях могут показаться избыточными, без них не обойтись (с. 285, 286). Перевод подразумевает более широкий перенос чужих образов мышления, картин мира и различных практик. Кваме Энтони Аппиа говорит о насыщенном переводе по аналогии с понятием насыщенного описания Гирца (с. 288, 289). Но также перевод может пониматься как культурная техника, включенная в отношения власти и зависимости, в определенный дискурсивный контекст. Историю перевода следует рассматривать как часть колониальной истории. В рамках переводческого поворота сама культура понимается как процесс перевода (с. 293). Переводной характер культур, их многослойность обозначается с помощью понятия гибридности, под которой, в свою очередь, понимается активное пространство переводческих процессов (с. 296, 297). Переводческий поворот активно осуществляется в исторических науках. Говоря о провинциализации Европы, Дипеш Чакрабартти дает важный переводческий импульс. Кроме того, категория перевода находит себе применение в гендерных исследованиях. Однако категория перевода становится проблематичной из-за метафоризации ее использования.

Пространственный поворот начинается в 1980-е гг. ренессансу понятия пространства способствовали политические и социальные перемены тех лет (в частности, устранение международных блоков, падение

Берлинской стены). Пространственный поворот означает формирование критического понимания пространства. Под последним подразумевается многослойный и противоречивый процесс социального производства пространства (с. 343). Зачатки пространственного поворота содержатся в теории Анри Лефевра. Пространство воспринимается как реляционное понятие. Ориентирами здесь служат концепция гетеротопий М. Фуко, концепция производства социального пространства П. Бурдьё и феминистская трактовка пространственных геометрий власти Дорин Мэсси (с. 347). Понятие пространства разрабатывается в урбанистических исследованиях, а ведущей наукой пространственного поворота становится география. Задаёт тон в пространственном повороте культурный антрополог Арджун Аппадураи, указавший на связь пространственного поворота с транснациональными пространствами. Свою концепцию третьего пространства развил Эдвард Соджа, основываясь на примере Лос-Анджелеса как реального и воображаемого места. В рамках пространственного поворота особое значение приобретает процедура маппинга, под которым подразумевается общая модель упорядочивания действительности, организации знания (с. 356). Другие значимые термины этого направления — маргинальность, края, границы, локация, детерриториализация, центр и периферия (с. 362). Пространственный поворот повлиял на гендерные исследования, географию, историю, литературу, этнологию.

Наконец, **пикториальный поворот** был провозглашен в 1992 г. американским литературоведом и теоретиком культуры Уильямом Митчеллом. По его словам, в будущем размышление над образами будет столь же ценным, как и мышление с помощью образов. В 1994 г. историк искусства Готфрид Бём объявляет иконический поворот (с. 394). В то же время широкое понимание образа настолько эффективно, что отменяет изначальное разделение на более узкий иконический и более масштабный пикториальный повороты. Иконический поворот имеет своей целью совладать с потоком образов путем их критического анализа. Он не мог быть порожден ни историей искусства, ни философией. Автор книги говорит о необходимости развития общедисциплинарной науки об образах. Дифференцируются различные подходы иконического поворота: феноменологическая теория образа с акцентом на зримости, антропология образов с акцентом на телесности, семиотика образов с акцентом на знаковости (с. 402). Д. Бахманн-Медик далее упоминает лишь немецких представителей этого поворота: Хорста Бредекампа, Ганса Бельтинга, Мартина Кемпа и Мартина Варнке. Бельтинг предлагает распространять антропологию образов не только на внутренние пространства, но и на коллективно-культурные практики, когда символические образы курсируют в глоба-

лизованном мире между различными культурными местами (с. 409). В рамках иконического поворота ставятся вопросы о том, кто и зачем производит и использует образы, как они работают и как воспринимаются. В его задачи входит понимание не только образов, но и мира через образы (с. 416–418). Сущность иконического поворота состоит в критике доверчивости по отношению к образам, особенно создаваемым электронными и цифровыми медиа. Автор предполагает, что иконический поворот способен вытеснить лингвистический. Однако она же добавляет, что образы не вытесняют тексты, они зависят от языковой интерпретации (с. 419–420). Иконический поворот простирается от разработок в истории искусства до гендерных исследований, медиаведения, экономики и политологии. В качестве критики Д. Бахманн-Медик говорит о самопреувеличении иконического поворота, исключающего из своего поля акустическое измерение (с. 435).

В заключение можно сделать критическое замечание насчет того, не слишком ли сильно эксплуатируется идея поворотов. Возможно, в рецензируемой работе она оказалась более или менее плодотворной. Но не приведет ли дальнейшее рассуждение в таком духе к обесцениванию идеи поворота? Также следовало бы точнее прояснить соотношение антропологического и культурного поворотов, коль скоро антропология повлияла на них. Последнее замечание касается того, что книга носит в высшей степени теоретический характер и местами довольно сложна для восприятия. Она может быть адресована антропологам, культурологам, литературоведам и студентам социально-гуманитарного профиля.

Литература

Александр Дж., Смит Ф. (2010) «Сильная программа» в культурсоциологии. *Социологическое обозрение*, 9(2): 11–30.

**BOOK REVIEW: BACHMANN-MEDICK D.
(2017) CULTURAL TURNS. NEW ORIENTATIONS
IN THE STUDY OF CULTURE.
MOSCOW: NLR. — 504 P.**

*Irina Ivleva**

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Citation: Ivleva I.V. (2018) Book review: Bachmann-Medick D. (2017) *Kulturnyye povoroty. Novyye orientiry v naukakh o kulture* [Cultural Turns. New Orientations in the Study of Culture]. Moscow: NLR. — 504 p. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(2): 238–245 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.10>

References

Alexander J.C., Smith Ph. (2010) “Silnaya programma” v kul’tursotsiologii [Strong Program in Cultural Sociology]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 9(2): 11–30 (in Russian).

* E-mail: irina_ivleva07@mail.ru